

6. Соболева, О. В. Венецианский текст в современной русской литературе (1996 – 2009) / О. В. Соболева. – Пермь, 2010.

7. Тютчев, Ф. И. Венеция / Ф. И. Тютчев. – URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/156.html>

8. Ходасевич, В. Брента // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. – М., 1996.

УДК 800.8

*И. В. Тихонова, И. А. Тихонов*  
Череповецкий государственный университет

## МЕТАФОРА В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Метафорические концепты детерминируют в мышлении и речи формы номинаций семантически однотипных понятий посредством серий метафор, основанных на синонимичных ассоциациях, создавая в итоге новые идеографические поля. Иначе говоря, концептуальные метафоры – это стабильные параллели между семантическим полем источника и семантическим полем цели, исторически зафиксированные языковой и культурной традициями данного этнического или социального сообщества. Итогом всего цивилизационного движения становятся презентуемые в языке концепты, определенные метафорами.

Метафора, концепт, семантическое поле, лингвистические и культурные традиции, язык, социальное сообщество.

Metaphoric concepts determine the nomination forms of semantically similar notions by a series of metaphors in thinking and speech, based on synonymic associations, thus creating new ideographic groups. In other words, conceptual metaphors are constant parallels between the semantic field of the source and the semantic field of the target, historically set by the linguistic and cultural traditions of the given ethnic and social community. The result of the whole civilizing process is the concepts presented in the language and determined by metaphors.

Metaphoric, concepts, semantic field, linguistic and cultural traditions, language, social community.

### Введение.

Как отмечал Л. Витгенштейн, в каждой теории необходимо соблюдать «принцип петель»: необходимо базовое определение понятия, которое должно стать смысловой константой всей теоретической конструкции. В качестве такой семиотической аксиомы мы выбрали определение метафоры из Словаря-справочника лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой: «Метафора (греч. *metaphora* – перенос). Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второе, что создает компактность и образность употребления слов. Метафора – один из наиболее распространенных тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых различных чертах».

Метафора – результат интуитивной аналитической работы нашего творческого «Я». Поэтому изучением данного феномена уже не одно столетие занимаются исследователи из самых различных областей гуманитарной науки: психологи, культурологи, литературоведы, лингвисты, философы, искусствоведы и др.

Исследователь Г. Н. Складневская указывает основные области научного изучения данного явления:

1) семасиологическая, где метафора рассматривается как этимологический фактор, порождающий новые значения слов и позволяющий понять происхождение уже существующих лексических значений;

2) ономазиологическая, в которой метафора исследуется как связующий элемент в конструкции «слово – материальный объект»;

3) логическая, служащая подсистемой теории референции и позволяющая подробно рассмотреть смысловые эмблематические цепочки, порожденные языковыми метафорами;

4) лингвистическая, в которой метафора рассматривается как структурная лексическая единица;

5) лингвостилистическая, где метафора рассматривается как инструмент создания речевой коммуникации во всех ее аспектах;

6) психолингвистическая, исследующая метафору не только как лингвистический, но и как психологический феномен;

7) экспрессивная, изучающая языковую метафору как средство выразительности речи;

8) лексикологическая, где метафора рассматривается с точки зрения различных языковых групп;

9) лексикографическая, в которой метафора служит средством преодоления культурных лакун, составляющих основную трудность при изучении языка иностранными студентами;

10) прагматическая в рамках общего изучения семантического аспекта художественной вербальной метафоры.

В рамках данной работы мы рассматриваем метафору и как инструмент концептуализации жизненной картины объективной реальности и как функциональный элемент текстуальной конструкции поэтической речи метафоры в художественном тексте.

### Основная часть.

Метафора возникла одновременно с человеческим мышлением, но в качестве объекта исследования была осознана в античности: во всяком случае, первое письменно зафиксированное упоминание о метафоре относят к Исократу, знаменитому афинскому оратору, упоминавшему о метафоре (очевидно, уже известной как понятие) как риторическом приеме украшения поэзии, наряду с иностранными словами и неологизмами.

Первое научное исследование метафоры принадлежит Аристотелю, который рассматривал ее как субститут (подмена одного слова другим), используемый в ораторском и поэтическом искусстве, но не изменяющий нашего представления о предмете или явлении. Аристотель, однако, отмечал, что метафоры возникают из области неявного сходства двух различных объектов, что сближает поэтическое мышление с философским в умении находить новое в известном и общее в отличном. Суть метафоры, по мнению Аристотеля, состоит в передаче объекту или явлению наименования, изначально принадлежащего другому объекту или явлению. В риторике основной метафоры, согласно Аристотелю и его последователям, является аналогия. Контекстуальные свойства и функции метафоры Аристотель при этом полностью игнорирует. При этом метафора, по мысли философа, не имеет никакой связи с контекстом. Генезис метафоры тоже остался вне поля зрения великого философа и ученого античности. Обе этих проблемы стали предметом научного исследования лишь через два тысячелетия, в нашу эпоху.

Однако различие, проведенное Аристотелем между философской и поэтической метафорой, было впоследствии развито в теоретическом исследовании его ученика Аристида Квинтилиана, редуцировавшего метафору до эллиптического сравнения. На основе этой редукции Квинтилиан создал первую из известных нам типологий метафоры, где метафора опеределалась как перенос значения:

- 1) с одушевленного объекта на одушевленный;
- 2) с неодушевленного на неодушевленный;
- 3) с одушевленного на неодушевленный;
- 4) с неодушевленного на одушевленный.

Квинтилиан первым указал на вторичный смысл метафоры, указав на различие между ней и аллегорией. Мнение Аристотеля о метафоре как декоративном риторическом приеме повлияло и на Цицерона, сравнивавшего метафору с роскошным платьем для речи, излишним и следовательно недостойным истинного мастера. Единственной попыткой преодоления аристотелевского авторитета во взгляде на метафору была концепция философа Гермогена, опередившего свое время на два с половиной тысячелетия. Гермоген выделил в метафоре два уровня: первоначально она презентуется словом, синтезирующим два различных понятия, затем метафора оформляется в философскую идею, соединившую семантическое значение двух объектов. К сожалению, эта концепция осталась незамеченной и только в конце двадцатого столетия превратилась в одно из самых плодотворных направлений когнитивной лингвистики.

Средневековая наука в лице родоначальника «реалистов» Ансельма Кентерберийского в процессе знаменитой полемики об универсалиях противопоставляет античной риторике комплексную концепцию метафоры как сверхидеи чувственного мира, переносающей человеческое познание на трансцендентный уровень. Но аристотелевская формальная логика, отрицающая индетерминизм и возможность вероятности в научном познании, дезавуирует интеллектуальный потенциал метафор и отрицает ее суггестивную функцию. Метафора снова рассматривается как речевое излишество, недопустимое в научных трудах, или философских трактатах, поскольку порождает искажения основного смысла и не имеет собственного когнитивного значения.

Философы-эмпирики Т. Гоббс и Дж. Локк, заложившие основы современного позитивизма, утверждали, что попытки метафорического мышления порождают ложные идеи, и для интеллектуального общения пригодны только слова однозначные и очищенные от ненужной образности и двусмысленности точными дефинициями, поскольку лишь прямой смысл речи поддается верификации. Метафоры же Гоббс сравнивал с болотными блуждающими огнями, уводящими человека от истинного понимания вещей. Данный позитивистский предрассудок до сих пор остается фундаментальным положением современной европейской философии и науки.

Справедливости ради, стоит отметить и другую тенденцию Нового времени, проявившуюся в трудах философов-романтиков Ф. Шеллинга, И. В. Гете, братьев Шлегелей и, в особенности, Ф. Ницше: в попытках построения философской системы трансцендентального идеализма романтики позиционировали метафору как единственный инструмент творческого мышления, рожденного воображением и интуицией.

Философы-иррационалисты видели в метафоре не речевое излишество, а уникальный инструмент расширения сферы человеческого познания, позволяющий исследовать новые семантические связи внутри реальности, заключенной в рамки гносеологического принципа универсальности.

Ф. Ницше называл метафоры языком Богатворца. Люди, пытаясь судить о материальных объектах, в реальности имеют дело не с объектами, а их чувственными образами. Когда человек использует метафору, иллюзия возможности познания действительности становится осознанной. Научные и философские понятия, так превозносимые эмпириками и позитивистами, по мысли Ницше, – просто неосознанные метафоры, которые, словно старые монеты, стерлись от употребления.

Французские филологи XX века П. Фонтанье и Н. Бозе создали типологию тропов, где уникальные свойства метафоры впервые стали предметом научного исследования: метонимия возникает из соположения, синекдоха – из подчинения, а метафора – из сходства. П. Фонтанье создал классификацию языковых фигур, подразделяемых на тропы и нетропы, и фигур мысли, которые делились на фигуры значения (метафора, метонимия) и фигуры выражения (гипербола, литота, олицетворение, аллегория, ирония).

Затем, более четверти века назад, в науке о языке произошло событие, которое историки науки называют «когнитивной революцией». В результате в лингвистике появилось особое направление – когнитология, в сфере внимания которого находятся механизмы и процессы мировосприятия, репрезентации и аккумуляции эмпирических знаний, а также их последующая категоризация и классификация. Важнейшую роль в когнитологии играет метафора как интеллектуальный процесс постижения, типологизации, инструмент формирования парадигмы как систематизированной совокупности фактологических знаний о материальной действительности, ценностно-регулятивной картины реальности.

Х. Ортега-и-Гассет считал метафору специфической ловушкой для определения содержательного значения абстрактных явлений и объектов. Более того, испанский философ и культуролог определил саму метафору как базовый элемент нашего мировосприятия и мировоззрения, определяющий все сферы человеческого сознания и деятельности.

Представитель феноменологической философии М. Мерло-Понти отмечал, что метафорическое видение мира позволяет объединить телесный опыт и спекулятивное мышление в один синтетический процесс. Иначе говоря, по М. Мерло-Понти, экспликация имплицитного знания, заключенного в метафоре, осуществляется посредством синтеза психологических мотивов и телесных причин, а финитность эмпирических фактов реализуется через метафорические конструкции, объединяющих личную и коллективную картины мира в единое целое.

В конце прошлого столетия в западноевропейской философии происходит «лингвистический поворот»: в центр философского анализа переносится язык. Философ-неокантианец Э. Кассирер выделял в языке такие формы мышления, как логические и мифологические. Метафора (в это понятие Кассирер включал синекдоху и метонимию), по мнению немецкого философа, – это концептуальная форма мифо-синкретического мировосприятия, рефлекс мифологических представлений. Генезис метафоры, по Кассиреру, обусловлен фиктивным отождествлением части и целого, соединением мировоззренческого (онтологического) аспекта и познавательной (эпистемологической) функции метафоры. Смена «эмпирической» парадигмы на «романтическую», произошедшая в аналитической философии, позволила выяснить, что так называемое «риторическое излишество» лежит в основании речевой картины мира, являясь главным конструктивным материалом языка как инструмента мировоззрения и коммуникации.

Французский философ П. Рикёр – последователь создателя феноменологии Э. Гуссерля – предложил осуществить феноменологическую редукцию метафоры и рассмотреть ее как символ, функционирующий на более глубоком уровне, чем сознание участников коммуникации. Предикативная ассимиляция создает семантическую близость сопоставляемых понятий, которые взаимодействуют не просто на речевом уровне (замене слова на слово, имени на имя), но создают коммуникацию между логическим субъектом и предикатом. То есть метафора – это не от-

клоняющееся название, а отклоняющаяся предикация.

А. Ричардс в книге «Философия риторики» (1936 г.) в рамках интеракционистской концепции метафоры впервые высказал мысль, получившую развитие в англоязычной философии и когнитивной лингвистике, что метафора – это взаимодействие двух разных идей о паре различных объектов внутри одного слова.

Для пояснения этой идеи Ричардс вводит ряд новых терминов:

1) “tenor” – содержание метафоры, закодированная в ней идея;

2) “vehicle” – ментальная оболочка, вторая мысль, которая непосредственно выражает смысл изучаемого феномена.

Взаимодействие «оболочки» и «содержания» формирует значение метафоры как языкового процесса мировосприятия, представляющего собой иерархию метафор, разворачивающихся в пространстве и времени, и осознаваемых как личный опыт, возникший из эмблематической цепочки непредумышленных метафор. Изначальное сопряжение индивидуума и окружающей реальности составляет онтологическое основание метафоры.

После широкого распространения метафорической теории интеракционизма в лингвистике заговорили о создании новой науки – метафорологии (Г. Blumenberg). В рамках этой новой науки можно выделить следующие направления:

1. Семантическое; представлено А. Ричардсом и М. Блэком. Так, М. Блэк утверждает, что любое метафорическое выражение (*M*) является субститутом какого-либо буквального (*literal*) выражения (*L*), при этом значения *M* и *L* совпадают. Следуя за А. А. Ричардсом, который ввел в научный обиход термины *tenor* (содержание) и *vehicle* (оболочка), М. Блэк выделяет в метафорической конструкции *focus* (центр) метафоры и его *frame* (контекст) [5, с. 156].

Метафоризация, как процесс мировосприятия, коммуникации или оценки, основана на фреймах, универсальных ментальных конструкциях, и сценариях (коммуникативный опыт, накопленный человеком). Одни фреймы как часть коллективного опыта являются врожденными, другие фреймы формируются в процессе аккумуляции личных компетенций.

2. «Асемантическое»; представлено Д. Дэвидсоном и, позднее, М. Бирдсли. В этом случае полностью отрицаются когнитивные возможности метафоры сам ее смысл, поскольку представители данной научной школы считают метафору подменой основного смысла в прагматических целях. Для маркировки реального объекта метафора произвольна и неопределенна, для предиката семантически аморфна. В итоге, мы возвращаемся к аристотелевскому на риторическое украшение речи.

3. «Эпистемологическое», состоящее из последователей Ф. Ницше, который утверждал, что первой метафорой был сам язык как средство познания, следовательно, процесс познания – это осмысление метафор в их глубинном значении.

4. «Антропологическое», созданное исследованиями Дж. Вико, М. Осборна, В. фон Гумбольдта,

Дж. Джонсона, М. Эриксона, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, П. Рикера, Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Данные авторы находят генезис метафоры в специфике культурной парадигмы конкретного общества, находящегося на определенной стадии исторического развития.

Метафорические концепты детерминируют в мышлении и речи формы номинаций семантически однотипных понятий посредством серий метафор, основанных на синонимичных ассоциациях, создавая в итоге новые идеографические поля. Иначе говоря, концептуальные метафоры – это стабильные параллели между семантическим полем источника и семантическим полем цели, исторически зафиксированные языковой и культурной традициями данного этнического или социального сообщества. Итогом всего цивилизационного движения становятся презентуемые в языке концепты, определенные метафорами.

Метафора как стилистический прием выступает в качестве посредника между такими областями семиозиса, как семиотическая и лингвистическая реальность, повседневное мышление и культура, становясь специфичным лингво-семиотическим конденсатором. Смысл и восприятие метафоры как языковой единицы детерминированы культурой, определяющей семантический образ данного феномена. Метафора как двусоставная лингво-семиотическая языковая единица достигает статуса семиотического локуса, где лексикализуются социокультурные семы. Принимая или репродуцируя метафору, индивид осознанно или бессознательно воспринимает культурную картину мира, базисом которой и является метафора.

Романтизм как поэтическое и витальное пространство в стилистическом плане – суть поэзия метафоры. Трансформация реальности в интуитивно-мистическую поэзию, создаваемая поэтом-романтиком, творится исключительно при помощи разнообразных способов метафоризации действительности. В романтизме метафора – это не поэтическая фантазия и не риторическое украшение, а проникновение в подлинную глубинную сущность Вселенной, скрытую за телесностью материальных форм. Именно поэтому немецкие, а затем и русские философы и поэты-романтики воспринимали поэзию как высшую реальность, как способ художественного познания трансцендентных истин.

В «Фрагментах» Новалиса модусы духовного и материального Бытия объединяются при помощи метафорических отождествлений. Автор рассматривает данные аналогии как расшифровку мистического синтеза идеального и физического в природе. Планеты Новалиса – гигантские окаменелости, возможно, окаменевшие ангелы; вся природа – это «окаменелый волшебный город» (*eine versteinte Zauberstadt*). Движение поэт именует «язык природы», цветы у Новалиса – это символ потаенной жизни растений (*Allegorien der Bewusstseins*).

Метафорические сближения различных форм природы порождаются их трансцендентным единством, мистической связью, постигаемой интуицией художника при помощи метафоры. Поэтому «Боже-

ственная Природа» воспринималась как «энциклопедия Духа. Из этого метафорического мировосприятия и родилась у Новалиса идея «символического метода в естествознании» (*symbolische Behandlung der Naturwissenschaften*).

Натурфилософия Шеллинга и его последователей-романтиков основана исключительно на подобной метафорической интерпретации существования природы как иерархии категориальной эволюции духа на пути к самоосознанию. И в тот момент, когда Ф. Шеллинг, поэт и философ, рассказывает нам о природных структурах в форме поэтической речи в сатирическом «Эпикурейском исповедании веры Гейнца Видерпорста», мы видим метафорическую цепочку, символизирующую эволюционное движение духовной жизни природы как божественного синтеза.

Индивидуум как компонент реальности обречен на постоянное перемещение присвоенных им значений из одного семиотического континуума в другой, осуществляя неосознанное удвоенное семиотическое кодирование. Первоначально кодирование информации происходит на уровне общей смысловой сферы в естественном семиозисе. Затем из данного конструкта производится номинация, заимствованная из другого семиотического конструкта. Для генезиса метафорической номинации необходимы родовые и типологические образы, связанные с осмыслением предназначения группы объектов, процессов или явлений. Здесь осуществляется неосознаваемая аналитика качеств объектов, процессов или явлений, а также выстраиваются конкретные смысловые аллюзии между объектами, процессами или явлениями, обычно находящимися в разных семиотических областях.

В итоге человек получает не просто инструмент, улучшающий его миропонимание количественно, но и формоорганизующую структуру, встраивание которой в его внутренний мир качественно модифицирует весь процесс мышления. Такова, например, модель атома Резерфорда, в которой внутренний космос (атом) сравнивается с внешним космосом (солнечной системой).

Метафора как правило определяется как скрытое сравнение, осуществленное с помощью применения названия одного объекта к другому и определяющая таким способом некоторую важную черту второго объекта. Простая метафора, выраженная одним образом, не обязательно однословная, она может быть одночленной и двучленной. Метафора, построенная на преувеличении, именуется гиперболической. Развернутая метафора построена из ряда метафорически употребленных слов, конструирующих общий образ, из ряда взаимообусловленных простых метафор, укрупняющих стилистическую нагрузку образа при помощи синтеза общих планов и параллельного их функционирования.

Традиционными называют метафоры, общепринятые в данный исторический период или в определенном социальном окружении либо в литературном направлении или школе. Например, английские поэты-романтики в описании женской внешности регулярно пользовались традиционными, постоянными

метафорическими эпитетами, как (pearly teeth, coral lips, ivory neck, hair of golden wire). В метафорическом эпитете необходимы такие качества, как двуплановость, черты сходства и различия, семантическое рассогласование, нарушение маркированности.

В описании природы нередко используются анимистические метафорические эпитеты, в которых неодушевленному объекту приписываются свойства живого существа, или антропоморфный метафорический эпитет, приписывающий присущие человеку качества и поступки объектам живой или неживой природы.

Отдельное место занимает композиционная или сюжетная метафора, которая иногда может быть распространена на текст всего произведения в целом. Примером подобной композиционной метафоры можно представить роман-миф (например, «Кентавр» Дж. Апдайка, в котором система образов конструируется посредством объединения повседневного быта жителей США конца XX с мифологическими персонажами античных мифов).

Метафору часто сравнивают со сновидением, потому что сновидение, подобно художнику, тоже «мыслит» образами. Именно поэтому большинство глобальных научных открытий были сделаны в момент анализ сновидения, поразившего сновидца. Для интерпретации сновидения нужно сотрудничество сновидца и толкователя, даже в том случае, если это один и тот же человек. Так же толкование метафор – это результат со-творчества автора и интерпретатора. Понимание, как и создание метафоры, – это результат творческого труда, слабо ограниченного предписаниями, так как для создания метафор не существует инструкций, нет справочников, или энциклопедий, позволяющих получить исчерпывающее определение значения метафоры, или ее коммуникативной ценности, что отмечал еще Аристотель.

## Выводы.

1. Метафора – полифункциональная языковая единица, объединяющая в устойчивую пару различные понятийные сферы и генерирует, таким образом, новые смыслы. В дальнейшем в данном исследовании будут рассмотрены другие принципы типологии метафор, в соответствии с их спецификой и структурными особенностями.

2. В античной философии сформировались основные концепции природы, формы и функции метафоры, оказавшие историческое влияние на дальнейшее восприятие этой языковой единицы. В одном аспекте эти концепции можно разделить на логическую и риторическую, в другом – на эмпирико-позитивистскую и романтико-интуитивную.

3. Метафора, первоначально понимаемая как риторическое украшение речи, в конце XX столетия обретает статус когерентно истинной интеллектуальной конструкции, приобретающей научную легитимность благодаря работам Дж.-Б. Вико, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, П. Рикера, Э. Кассирера, М. Блэка, М. Эриксона и других философов, культурологов, психологов. Следует отметить, что, несмотря на то, что противопоставление когнитивной теории метафоры аристотелевской трактовке данного фено-

мена само по себе стало традиционным, современные ученые указывают на тот факт, что именно Аристотель впервые выявил познавательную функцию метафоры.

4. В современной науке роль концептуальной метафоры в научном познании рассматривалась не только в отношении философии, риторике и литературе, но и биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и прочим научным дисциплинам.

5. Необходимо признать, что словотворческая функция метафоры и ее гносеологический потенциал воспринимаются и оцениваются в когнитивной лингвистике неоднозначно: с одной стороны декларируется абсолютная достоверность метафоры как способа научного и философского познания, с другой – постулируется отрицание семантического аспекта данного языкового знака и признание того факта, что метафора делает доступным для нашего восприятия специфичный вид знания, не сводимый ни к логическому, ни к верифицируемому.

6. Динамичность метафоры обусловлена непрерывным взаимодействием объективных семиотических факторов и речевого аспекта в духовном пространстве человека: понимание метафоры равнозначно ее воспроизводству. Субъективная семантика данной языковой единицы конструируется согласно условиям конситуативности (т. е. в случае, когда семантика высказывания передает коммуникантам знание не только о непосредственно отображаемой ситуации, но и о других, так или иначе сопутствующих этой ситуации).

## Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
2. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора в языке чувств / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М., 1999.
4. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры: Сборник / Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина. – М., 1990.
5. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М., 1990.
6. Верли, М. Общее литературоведение. / М. Верли. – М., 1957.
7. Григорьев, В. П. Поэт и слово. / В. П. Григорьев. – М., 1979.
8. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е. С. Кубрякова и др.]. – М., 1997. – С. 53–55.
9. Лакофф, Дж. Metaphors We Live by / Дж. Лакофф и М. Джонсон. – СПб., 2004.
10. Лакофф, Дж. The Contemporary Theory of Metaphor / Дж. Лакофф – Cambridge, 1993.
11. Ларин, Б. А. О лирике как разновидности художественной речи / Б. А. Ларин. – М., 1925.
12. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М., 1990.
13. Пауль, Г. Принципы истории языка. / Г. Пауль. – М., 1960.
14. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М., 1998.

15. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – М., 1993.  
16. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.

17. Чудинова, А. П. Россия в метафорическом зеркале / А. П. Чудинова // Русская речь. – 2001. – №3. – С. 31.  
18. Фрейденберг, О. Античные теории языка и стиля / О. Фрейденберг. – М.; Л., 1936.

УДК 811.111:001.4:624.21

**И. Ю. Черныш**

Научный руководитель: профессор, кандидат филологических наук Л.Б. Ткачёва  
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

## ИНОЯЗЫЧНЫЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ПОДЪЯЗЫКЕ МОСТОСТРОЕНИЯ

Данная статья посвящена заимствованным терминам в английском подъязыке мостостроения. В работе представлены языки-источники заимствований и предложена периодизация иноязычных терминов. Автор знакомит с факторами, повлиявшими на процесс заимствования терминов из других языков. Дается краткое описание места и роли заимствований в английской терминологии мостостроения на современном этапе развития, строятся прогнозы.

Иноязычные термины, заимствование, этимологический анализ, английский подъязык мостостроения, социолингвистическая корреляция.

This paper is devoted to the study of loan words in English bridge terminology. Etymological analysis reveals the source-languages of borrowings and the author presents their division into periods. The reasons of adaptation of loan words from different languages are explained. The role and place of borrowings in English bridge terminology at the present stage and in the future is given.

Loan words, borrowing, etymological analysis, English bridge terminology, sociolinguistic correlation.

### Введение.

Процесс заимствования слов из иностранных языков всегда был и остается одним из активных способов обогащения многих языков мира. Английский язык не является исключением. Его словарный состав складывался в значительной степени за счет заимствований из других языков. «Заимствование – переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесенные из одного языка в другой. Заимствование может быть устным (воспроизводит общий фонетический облик слова) или письменным, книжным (когда производится транслитерация слова)» [2, с. 188]. По типу контакта заимствования могут быть как прямыми (между языками соседних народов и культур), так и опосредованными – при участии языка-посредника.

Чаще всего потребность в номинации предметов и понятий возникает в различных отраслях науки и техники, поэтому среди научно-технических терминов особый интерес представляют иностранные, ведь не могут же наука и техника развиваться лишь в отдельно взятой стране, или на отдельном континенте. Английская терминология мостостроения, по результатам проведенного этимологического анализа на основе словарей [4]–[6], [11], насчитывает 458 заимствований из 14 языков, что составляет 7 % от общей выборки в 6 596 терминов.

Предлагаем познакомиться с языками-источниками заимствованных терминов исследуемого подъязыка, и постараемся выяснить причину заимствований.

Результаты этимологического анализа свидетельствуют о том, что в английской терминологии мостостроения 276 терминов, что составляет 60,3 % от общего числа заимствований, являются латинскими по происхождению, например: *structure* (лат. *structura*) – сооружение, здание; конструкция; структура; *pillar* (лат. *pila*) – пилон; стержень колонны; стойка; опора; *rehabilitation* (ср.-лат. *rehabilitatio*) – восстановление, реконструкция, реставрация; ремонт, ремонтные работы; *pontoon* (лат. *ponto*) – понтон; понтонный мост, наплавной мост; плашкоут; кессон и др.

На втором месте по продуктивности заимствований в английскую терминологию мостостроения находится французский язык, количество терминов, заимствованных из данного языка составляет 54 единицы или 11,8 % от общего числа заимствований: *skew* (др. сев.-фр. *eskiuwer*) – наклон; скос, перекося; асимметрия; *masonry* (др.-фр. *maçonerie*) – каменная или кирпичная кладка; *transom* (др.-фр. *traversin*) – ригель (в конструкции мостов); фрамуга; поперечная балка; распорка; *dentil* (ит. *dentello* < фр. *dentille*) – дентикула; зубец; сухарик и др.

Чуть менее продуктивными являются греческий и немецкий языки. Заимствования из них составляют 48 и 29 единиц соответственно. Примеры греческих заимствований: *abacus* (лат. *abacus*, греч. *abax*) – абака, верхняя часть капители колонны; *coffer* (др.-фр. *cofre*, лат. *cophinus*, греч. *kophinos*) – кессон, коффердам; опускающей колодезь; кессон для подводных работ; *asphalt* (ср.-лат. *asphaltum*, греч. *asphaltos*) – асфальт; битум; асфальтобетон; *pylon* (греч. *pulōn*) – пилон; опора, столб и др.